

Дьякон
Кинг-
Конт

Джеймс
Макбрайд

лауреат Национальной книжной премии США

МИФ Проза

Джеймс Макбрайд
Дьякон Кинг-Конг

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 82-311.1
ББК 84-стд1-446

Макбрайд Д.

Дьякон Кинг-Конг / Д. Макбрайд — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-169666-7

В жилых проектах Нью-Йорка произошло нечто необыкновенное: безвредный старый пьяница по прозвищу Спортивный Пиджак, дьякон местной церкви, выстрелил в самого опасного наркоторговца проектов. Загадочная история взбудоражила жителей проектов, и в водоворот событий попали гангстеры и полицейские, чернокожие и латиноамериканцы, прихожане церкви, обитатели дома престарелых и даже местные муравьи. Клубок из старых тайн и новой путаницы разматывается на страницах этой живой и искренней книги, похожей на джазовую импровизацию. Автор, Джеймс Макбрайд, известный американский писатель и музыкант, вместе со своими героями верит и доказывает, что даже на обочине жизни есть место надежде и любви. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.1
ББК 84-стд1-446

ISBN 978-5-00-169666-7

© Макбрайд Д., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

1. Иисусов сыр	6
2. Труп	12
3. Джет	16
4. Бегство	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джеймс Макбрайд Дьякон Кинг-Конг

Издано с разрешения Riverhead Books, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC и Anna Jarota Agency

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Riverhead Books, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© 2020 by James McBride

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2021

* * *

Для божьих людей – всех до единого

1. Иисусов сыр

Дьякон Каффи Ламбкин из баптистской церкви Пяти Концов стал ходячим мертвецом в пасмурный сентябрьский день 1968-го. В тот день старый дьякон, он же Пиджак для друзей, вышел во двор жилпроекта¹ Козвей в Южном Бруклине, сунул древний кольт 38-го калибра в лицо девятнадцатилетнему наркодилеру Димсу Клеменсу и спустил курок.

В округе много судачили, за что старик Пиджак – поджарый и улыбчивый темнокожий, который кашлял, перхал, харкал, хохотал и квасил по всем углам Коз-Хаусес большую часть своей семидесятиоднолетней жизни, – выстрелил в самого безжалостного наркодилера, какого только видел жилпроект. У Пиджака не было врагов. Он четырнадцать лет тренировал местную бейсбольную команду. Его покойная жена Хетти была казначеей Рождественского клуба при его церкви. Мирный и всеми любимый человек. Что же стряслось?

Каких только не было теорий наутро после выстрела у сборища отставных городских работников, бомжей из ночлежек, скучающих домохозяек и бывших зеков, что каждый день заседали на скамейке под флагштоком посреди жилпроекта, чтобы хлебнуть халявного кофе и отдать честь взмывающей в небо «Старой славе»².

– У Пиджака ревматический полиартрит, – объявила сестра Вероника Го, президент ассоциации жильцов Коз-Хаусес и жена священника баптистской церкви Пяти Концов, где Пиджак прослужил пятнадцать лет. Она поведала собранию, что на грядущий День семьи и друзей Пиджак планировал прочитать в церкви свою первую проповедь, озаглавленную «Сперва помолись, а потом за стол садись». А еще напонила, что пропали деньги Рождественского клуба, но «если их и взял Пиджак, то не иначе как из-за ревматизма», отметила она.

Сестра Ти Джей Биллингс, или Бам-Бам среди друзей, старшая служительница в Пяти Концах, чей бывший супруг – единственный за богатую историю этой церкви мужчина, который ушел от жены к другому мужчине и при этом не поплатился жизнью (потому что переехал на Аляску), выдвинула собственную теорию. По ее словам, Пиджак стрелял в Димса потому, что в девятый корпус вернулись таинственные муравьи. «Пиджака, – хмуро провозгласила она, – сглазили. Не обошлось без моджо»³.

Мисс Изи Кордеро, вице-президент отделения Пуэрто-риканского общества Коз-Хаусес, которая стояла всего в пятнадцати метрах от Пиджака, когда он навел свою древнюю пушку на кочан Димса и спустил курок, сказала, что вся каша заварилась, поскольку Пиджака шантажировал один «злой бандит-латинос», причем она в точности знает, кто этот бандит, и собирается заявить о нем в полицию. Конечно, все понимали, что это она о своем бывшем муже-доминиканце Хоакине, единственном честном лотерейщике в районе, и что они с Хоакином ненавидят друг друга до печенок и все последние двадцать лет силятся засадить друг друга за решетку. Так что сами понимаете.

Сосиска – дворник Коз-Хаусес и лучший друг Пиджака, каждое утро поднимал флаг и разливал халявный кофе от досугового центра для пенсионеров Коз-Хаусес, – рассказал компании, что Пиджак стрелял в Димса из-за ежегодного бейсбольного матча между Коз-Хаусес и их соперниками Вотч-Хаусес, что не проводился вот уже два года. «Пиджак, – сказал он гордо, – единственный судья, на которого соглашались обе команды».

Но лучше всего чувства собравшихся выразил Доминик Лефлер, Гаитянская Кулинарная Сенсация, проживавший в одном доме с Пиджаком. Доминик только что вернулся из девя-

¹ Проекты (projects) – муниципальные жилые комплексы в США, строившиеся по заниженным стандартам и сдававшиеся бедным семьям. Со временем стали известны как черные гетто с высоким уровнем нищеты и криминала. – *Прим. перев.*

² Прозвище флага США, его дал в 1831 году капитан Уильям Драйвер. *Прим. перев.*

³ Моджо – чары или магический амулет, от креольского слова тосо (колдовство). *Прим. перев.*

тидневного отпуска в Порт-о-Пренсе, где навещал матушку, причем вернулся, как всегда, со странным вирусом из третьего мира, от которого слегла половина его корпуса; жильцы не слезали с унитаза и долгое время обходили его за милую, хотя самого Доминика вирус как будто никогда не брал. Лефлер наблюдал весь чертов балаган в окошко ванной, пока брился. Затем он вернулся на кухню, сел за обед с дочерью-подростком, которая тряслась с температурой под сорок, и сказал: «Всегда знал, что старина Пиджак совершит в жизни хоть что-нибудь великое».

Суть, однако, в том, что никто в проектах на самом деле не знал, за что Пиджак стрелял в Димса, – даже сам Пиджак. Старый дьякон объяснил бы, почему стрелял в Димса, не лучше, чем почему луна выглядит так, будто сделана из сыра, или откуда берутся и куда деваются дрозодилы, или каким образом мэрия на каждый День святого Патрика красит в зеленый воды близлежащей гавани Козвей. В предыдущую ночь ему приснилась жена Хетти, пропавшая в большой буран 1967 года. Пиджак любил рассказывать об этом друзьям.

– День был чудный, – начинал он. – Снег падал с небес, словно пепел. Все накрыло большим белым одеялом. Район выглядел мирным и чистым. В тот вечер мы с Хетти перекусили крабами, потом смотрели в окно на статую Свободы. Потом легли спать.

Посреди ночи она меня растормошила. Открываю глаза и вижу – по комнате огонек парит. Точно маленькая свечка. Покружил-покружил – и за дверь. Хетти сказала: «Это божий свет. Я пойду нарву луноцвета в гавани». Надела пальто и ушла вслед за светом.

В ответ на вопрос, почему он не последовал за ней в гавань Козвей, Пиджак недоумевал.

– Она пошла за божьим светом, – отвечал он. – Плюс там же был Слон.

В этом был резон. Томми Элефанты, он же Слон, тяжеловесный угрюмый итальянец, что обожал мешковатые костюмы и занимался строительством и грузоперевозками, сидел в старом товарном вагоне на пирсе – в двух кварталах от Коз-Хаусес и всего в квартале от церкви Пиджака. Слон и его молчаливые мрачные итальянцы, которые посреди глухой ночи таскали в тот вагон и обратно бог весть что, для всех оставались загадкой. И пугали до усрачки. Даже Димс, само зло во плоти, с ними не связывался.

Так что Пиджак отправился искать Хетти только наутро. Было воскресенье. Встал он спозаранку. Проекты еще спали, свежавыпавший снег оставался по большей части нетронутым. Он прошел по ее следам до пирса, где следы и обрывались у кромки воды. Пиджак посмотрел на океан и увидел, как высоко в небе летит ворон. «Загляденье, – рассказывал он друзьям. – Ворон покружил немного, потом взмыл ввысь и пропал». Он провожал птицу взглядом, сколько было видно, потом поплелся обратно по снегу к крошечной постройке из шлакоблоков – баптистской церкви Пяти Концов, где собиралась на восьмичасовую службу немногочисленная паства. Вошел, как раз когда преподобный Го, стоя за кафедрой перед единственным источником тепла в церкви – старой дровяной печью, – читал молитвенный список больных и затворников.

Пиджак сел на скамью среди сонных прихожан, взял одностраничную церковную программку и трясущейся рукой нацарапал на ней «Хетти», потом передал служительнице, сестре Го, одетой во все белое. Она передала записку мужу, как раз когда он начал зачитывать список вслух. Список всегда тянулся долго и состоял обычно из одних и тех же имен: больной в Далласе, кто-то при смерти в Квинсе и, конечно же, сестра Пол – основательница Пяти Концов. Ей было сто два, и она уже так долго проживала в доме престарелых в Бенсонхерсте, что по хорошему ее из всей общины помнили всего два человека. На самом деле это еще был вопрос, жива ли сестра Пол, и паства зашумела, что, пожалуй, кому-нибудь, например пастору, надо бы ее проведать. «Я бы поехал, – сказал пастор Го, – но мне зубы дороги». Все знали, что белые в Бенсонхерсте не очень-то жалуют негров. А кроме того, оптимистично заметил пастор, взносы сестры Пол в четыре доллара тринадцать центов исправно приходили почтой каждый месяц, а это хороший знак.

Бубня за кафедрой молитвенный список, пастор Го принял бумажку с именем Хетти, не поведя и бровью. Прочитав ее, он улыбнулся и сострил: «Окстись, брат. Жена с работой – счастье в семье!» Это был камешек в огород Пиджака, который уже много лет не задерживался на одном месте надолго, тогда как Хетти воспитывала их ребенка и успевала работать. Преподобный Го был добродушным красавцем, любившим добрую шутку, хотя в то время сам только-только выпутался из скандала – его заметили в баре «Силки» на Ван-Марл-стрит за попытками обратить в веру кассиршу метро с сиськами размером с Милуоки. Из-за этого его отношения с общиной осложнились, и потому, когда никто не рассмеялся, он посерьезнел и прочитал имя Хетти вслух, а потом завел гимн «Кто-то зовет меня по имени». Паства подхватила, все вместе пели и молились, и Пиджаку полегчало. Как и преподобному Го.

Тем вечером Хетти так и не вернулась домой. Через два дня люди Слона нашли ее в воде у пирса, с тем самым шарфом на лице, который она повязала, когда выходила из квартиры. Они выловили ее из воды, обернули в шерстяное одеяло, нежно положили на перину чистого белого снега возле вагона и послали за Пиджаком. Когда он прибыл, ему молча вручили литр скотча, вызвали копов, а потом пропали. Слон не хотел недоразумений. Хетти – не из его людей. Пиджак все понимал.

Похороны Хетти стали обычной для церкви Пяти Концов катавасией. Пастор Го опоздал на службу на час, поскольку ноги у него до того распухли из-за подагры, что не взлезали в церковные туфли. Распорядитель похорон, старый беловласый Моррис Херли, кого втихомолку звали Морриской, потому что, ну... все же в курсе, что Моррис-то... в общем, брал он недорого, работал умело и всегда опаздывал с телом на два часа, зато все знали, что выглядеть Хетти будет на миллион баксов, как оно и вышло. Из-за опоздания Морриски пастор Го успел рассудить спор служительниц насчет цветочных композиций. Никто не знал, куда деть цветы. Это Хетти всегда решала, куда их ставить, чтобы утешить какую-нибудь семью: герань – в этот угол, розы – у той скамьи, азалии – у витража. Но сегодня Хетти сама стала почетной гостьей церкви, а потому цветы стояли как попало – где бросил курьер, поэтому за дело пришлось браться, как водится, сестре Го. Между тем сестра Бибб – фигуристая органистка, которая в свои пятьдесят пять была полнотела, лощена и коричневая, как шоколадная конфета, – явилась в ужасном состоянии. Она отходила после своего ежегодного греховного загула – размашистой, забористой, бражной ночи смачного чмоканья и кувыркания со своим периодическим любовником Сосиской, – длящегося, пока тот не удалялся с праздника ввиду нехватки стойкости. «Сестра Бибб, – жаловался он раз Пиджаку, – творит с органом что-то жуткое. И я не о музыкальном инструменте». Пришла она с раскалывающейся головой и ноющим от какого-то мощного рывка плечом после разгульного блаженства прошлой ночи. В ступоре села за орган, уложила голову на клавиши, пока стягивались прихожане. Через несколько минут покинула зал и поспешила в подвальную дамскую комнату, надеясь, что там пусто. Но на лестнице споткнулась и нехорошо подвернула лодыжку. Перенесла она все без богохульств и жалоб, в пустом туалете опустошила желудок от вчерашней гулянки, подновила помаду и поправила прическу, после чего вернулась в зал и отыграла всю службу, сидя с лодыжкой, раздувшейся до размера дыни. Потом похромала к себе в квартиру, в ярости и раскаянии, костеря Сосиску, который уже перевел дух после утех и теперь хотел добавки. Он плелся за ней до дома на расстоянии в полквартиры, как щенок, и прятался за кустами шелковицы, что росли вдоль дорожек жилого проекта. Всякий раз, оглядываясь через плечо и завидев, что из кустов торчит шляпа Сосиски, сестра Бибб впадала в неистовство.

– Сгинь, паразит, – рывкала она. – Нагуделась я уже с тобой!

Зато Пиджак пришел в церковь в отличной форме после того, как всю прошлую ночь провожал Хетти со своим дружкой Руфусом Харли – выходцем из его родного города и его вторым лучшим бруклинским другом после Сосиски. Работал Руфус дворником в Вотч-Хаусес близости, в нескольких кварталах, и, хоть они с Сосиской не ладили – Руфус был родом

из Южной Каролины, а Сосиска из Алабамы, – особому сорту сивухи под названием «Кинг-Конг», который бодрячил Руфус, отдавали должное все, даже Сосиска.

Пиджаку было не по душе название фирменного рецепта Руфуса, и за годы он предлагал несколько новых. «Выпивка у тебя бы расходилась как горячие пирожки, если б не называлась в честь гориллы, – сказал он как-то раз. – Чего бы не назвать ее “Рюмашкой Нелли” или “Гидеоновским Крепким”?» Но Руфус только нос воротил. «Было дело, называл ее “Сонни Листон”, – сказал он, имея в виду грозного негритянского чемпиона-тяжеловеса, чьи пудовые кулаки вышибали из противников дух. – Покуда Мухаммед Али не появился». С чем Пиджак поспорить не мог, так это с тем, что, как ни называй, а сивуха Руфуса – лучшая на весь Бруклин.

Та ночь выдалась долгой и бурной, полной разговоров об их родном городке Поссум-Пойнте, и на следующее утро Пиджак был как огурчик, сидел на первой скамье церкви Пяти Концов и улыбался, пока над ним хлопотали дамы в белом, а две лучшие хористки поцапались из-за единственного микрофона. Обычно церковные ссоры проходят на пониженных, шипящих тонах – сплюсь подковерные козни, интриги и сплетни о неладах в домохозяйстве. Но эта размолвка стала прилюдной – то есть самой лучшей. Поссорившиеся хористки – Нанетт и Сладкая Кукуруза, они же Кузины, – обе были тридцатилетними красавицами и чудесными певицами. Росли они как сестры, жили вместе и недавно страшно расплевались из-за никчемного обитателя жилпроекта, парня по имени Пудинг. Результат был грандиозный. Обе вымещали свой гнев в музыке, пытались перепеть одна другую и с великолепной лютостью надрывались о грядущем спасении славного Царя нашего и Спасителя, Иисуса Христа из Назарета.

Далее преподобный Го, воодушевленный бюстами Кузин, от воплей дивно вздымавшийся под балахонами, произнес громогласный панегирик, чтобы загладить свою прошлую подколку насчет мертвой на тот момент Хетти, поэтому проводы выдались лучше, чем церковь Пяти Концов видела за многие годы.

Пиджак наблюдал с благоговением, упиваясь зрелищем и давая диву, как набожные помощницы в белых одеяниях и красивых шляпах снуют вокруг и хлопочут над ним и над его сыном, Толстопалым, сидевшим рядом. Толстопалый – двадцати шести лет, слепой и, как говорили, без пары винтиков в голове – променял детскую пухлость на симпатичную стройность, а его точеные шоколадные черты скрывались за дорогими темными очками – даром какого-то давно забытого соцработника. Он, как обычно, не обращал внимания ни на что, хотя потом на церковной трапезе не взял в рот ни крошки, а это для Толстопалого ненормально. Зато Пиджак остался доволен. «Замечательно, – говорил он друзьям после службы. – Хетти бы понравилось».

Той ночью Хетти ему снилась, и, как часто бывало по вечерам при ее жизни, он делился с ней названиями проповедей, которые планировал однажды прочитать, чем обычно очень ее забавлял, поскольку дальше названий у него никогда не шло: «Благослови Господь корову», и «Благодарю Его за кукурузу», и «“Бу!” – сказал цыпленок». Но той ночью она казалась сердитой – сидела в кресле в лиловом платье, скрестив ноги, и слушала насупившись, – так что он пересказал светлые новости с ее похорон. Говорил, какие прекрасные получились служба, цветы, угощение, речи, музыка и как он рад, что Хетти обрела свои крылья и вознеслась к награде на небесах – хотя могла бы оставить на прощание и какой-никакой совет, как бы ему получить ее пенсию. Она что, не знает, что это такое – день-деньской стоять в очереди в конторе соцстрахования? И как там насчет денег Рождественского клуба, которые она собирала, – денег, что прихожане Пяти Концов откладывали каждую неделю, чтобы в декабре закупить подарков своим детям? Хетти была казначеей, но никогда не говорила, где прячет деньги.

– Все уже интересуются своими кровными, – сказал он. – Ты бы лучше ответила, где их спрятала.

Хетти пропустила вопрос мимо ушей, хлопоча из-за складок на своей ночнушке.

– Хватит говорить со мной как с ребенком, – сказала она. – Уже пятьдесят один год говоришь со мной как с ребенком.

– Где деньги?

– В заднице у себя поищи, пьянь бесстыжая!

– Мы ведь тоже вкладывались-то, между прочим!

– Мы? – хмыкнула она. – Ты за двадцать лет туда ни гроша не положил, забулдыга несчастный, лодырь беспутный! – Она поднялась – и пошло-поехало: они лаялись, как в старые деньки, перепалка переросла в обычную ревущую огнедышащую свару, аж дым коромыслом, и продолжалась, даже когда он проснулся: Хетти, как обычно, всюду следовала за ним – руки в боки, – проедала плешь, пока он пытался скрыться, огрызаясь через плечо. Они ругались на чем свет стоит весь этот день и следующий, не замолкая на завтрак, обед и следующую ночь. Посторонний подумал бы, что Пиджак разговаривает со стенами, покуда занимается обычными делами: спускается в котельную на стаканчик с Сосиской, оттуда – обратно по лестнице в квартиру 4G, снова на улицу – чтобы отвести Толстопалого на остановку, где того забирал автобус до общественного центра для слепых, – потом на какую-нибудь свою халтурку и снова домой. Куда бы он ни шел, везде они с Хетти ругались. Или по крайней мере ругался Пиджак. Соседи, конечно, Хетти не видели: только глазели на то, как Пиджак беседует с пустым местом. Тот не обращал на зевак никакого внимания. Ругань с Хетти была самым обычным делом на свете. Он занимался им вот уже сорок лет.

Ему никак не верилось. Пропала нежная, кроткая, прелестная милашка, что хихикала, когда в Поссум-Пойнте они улизнули в высокую кукурузу на поле ее папы и он пролил вино на ее рубашку и лапал ее грудь. Теперь из нее так и пер Нью-Йорк: дерзкая, хамоватая и неотвязчивая, являлась откуда ни возьмись в самое неподходящее время и каждый раз – в новом грёбаном парике: он подозревал, что это наверняка какой-то божий дар за ее жизненные тяготы. Утром, когда он стрелял в Димса, она явилась рыжей, чем его даже напугала, а потом еще хуже – взбеленилась, когда он в сотый раз спросил насчет денег Рождественского клуба.

– Женщина, где доллары? Мне же надо вернуть людям деньги.

– А мне вот ничего не надо.

– Да это же воровство!

– Смотрите-ка, кто заговорил. Сырный вор!

Вот этим она его задела. Многие годы Нью-Йоркское жилуправление – мегамашина раздутой бюрократии, рассадник лжи, обмана, афер, иждивенцев, беглых папаш, рэкетиоров и старомодных политических ставленников, с самодовольной некомпетентностью правивших Коз-Хаусес и всеми прочими сорока пятью муниципальными жилпроектами Нью-Йорка, – необъяснимым образом изрыгала на Коз-Хаусес феноменальную манну небесную: дармовой сыр. Никто не знал, кто же дергает за ниточки, ставит подпись, наколдovывает сыр, – никто, даже Бам-Бам, которая много лет видела смысл своего бытия в поисках правды о происхождении сыра. Предположительно, след шел от жилконторы, но всем хватало ума не будить сего зверя звонками и прямыми вопросами. Да и к чему? Сыр же дармовой. Поступал он многие годы каждую первую субботу месяца, как по часам, материализовывался, как по волшебству, в самую рань внутри котельной Сосиски в подвале семнадцатого корпуса. Десять ящиков с двухкилограммовыми головками, только что из холодильника. Не просто тебе обычные «молочные продукты» для жилпроектов; и не просто пахучее, свернувшееся, бездушное швейцарское сырное сырье из пыльной витрины какого-нибудь богом забытого продуктового, где оно плесневело и еженощно подвергалось мышинным набегам в ожидании продажи какому-нибудь лопуху только вчера из Санто-Доминго. Это был свежий, насыщенный, райский, нежный, мягкий, сливочный и всё чего изволите, умопомрачительно солоноватый, самый что ни на есть коровий добрый сыр белого человека – сыр, за который не жалко и душу отдать, за который и коровам не стыдно, всем сырам сыр, сыр на славу, сыр на радость, сыр на загляденье, сыр умереть не

встать, такой сыр, что каждую первую субботу месяца собирал очередь: матери, дочери, отцы, деды и бабки, инвалиды в колясках, дети, приехавшие родственники, белые из близлежащего Бруклин-Хайтса и даже южноамериканские работники с мусороперерабатывающего на Конкорд-авеню – все терпеливо ждали в очереди, тянувшейся от котельной Сосиски в семнадцатом корпусе по пандусу до тротуара и загибавшейся за угол на двор с флагштоком. Невезучим в хвосте приходилось то и дело озиаться в поисках копов – разговоры разговорами, а бесплатный сыр только в мышеловке, – тогда как в голове очереди все пускали слюнки и нетерпеливо теснились вперед, надеясь, что запасов хватит на всех, осознавая, что подобраться к сыру, только чтобы увидеть, как драгоценный запас иссяк прямо на твоих глазах, будет подобно внезапно прерванному коитусу.

Естественно, близость к высокопоставленному дистрибьютору данного товара – Сосиске – гарантировала Пиджаку головку вне зависимости от спроса, что всегда радовало его и Хетти. Хетти особенно обожала этот сыр. Так что подколка его разъярила.

– Ты ж сама его ела, ну? – сказал Пиджак. – Каждый раз уплетала так, что треск за ушами стоял. Не смотрела, краденый или какой. Ела да нахваливала.

– Он был от Иисуса.

Ответ Пиджака взбесил, и он чихвостил Хетти, пока она не исчезла. За неделю до выстрела их ссоры так накалились, что он уж начинал репетировать аргументы про себя еще до ее появления, а в ее отсутствие напивался, дабы прочистить голову и смахнуть пыль с мозга, а потом разложить ей все по полочкам и показать, кто здесь главный, из-за чего казался обитателям Коз-Хаусес еще чуднее, когда стоял в коридоре с бутылкой самогонного «Кинг-Конга» от Руфуса и говорил в пустоту: «Так кто приносит сыр? Иисус или я? Если я отстаиваю очередь... И я забираю сыр. И я тащу сыр домой в снег и в зной. Кто приносит сыр? Иисус или я?»

Друзья ему всё спускали. Соседи не придавали значения. Семья по церкви Пяти Концов отмахивалась. Подумаешь. Ну поехала крыша у Пиджачка. В Козе у всех хватало причин чудить. Взять хоть Неву Рамос, доминиканскую красотку из пятого корпуса, которая выливали стакан воды на голову любому мужику, какому хватало глупости встать у нее под окном. Или Даба Вашингтона из седьмого, который ночевал на старой фабрике у причала Витали и каждую зиму попадался на краже в одном и том же продуктовом магазине в Парк-Слоупе. Или сестру Бам-Бам, которая каждое утро перед работой задерживалась у черного Иисуса, нарисованного на задней стене церкви, чтобы помолиться вслух за погибель своего бывшего супруга, да подпалит Господь его яйца и да скворчат они на раскаленной сковородке, как два расплющенных картофельных блинчика. Все это объяснимо. С Невой нехорошо обошелся начальник на работе. Дабу Вашингтону хотелось в теплую кутузку. Муж Бам-Бам ушел от нее к мужику. Что тут такого? В Козе всем хватало причин сходить с ума. Уважительная причина была почти для всего.

Пока Пиджак не выстрелил в Димса. Тут уже пошел другой разговор. Искать этому причину – как пытаться объяснить, почему Димс из обаятельного озорника и лучшего бейсболиста в истории жилпроекта вырос в жуткого, зверского, торгующего отравой головореза с обаянием циклопа. Попросту невозможно.

– Если у предсказаний в китайских печеньках нет срока годности, то Пиджак еще выйдет сухим из воды, – сказала Бам-Бам. – Но в остальном, думается мне, ему крышка.

Она была права. Никто не спорил. Пиджак – труп.

2. Труп

Конечно, народ в Коз-Хаусес предрекал Пиджаку смерть уже многие годы. Каждую весну, когда обитатели проекта выбирались из квартир, будто сурки из нор, чтобы прогуляться по двору и подышать тем свежим воздухом, что еще в Козвей остался, – в основном испорченным близлежащим мусороперерабатывающим заводом, – кто-нибудь замечал, как Пиджак плетется по двору после запойной ночи у Руфуса или виста в баре «Силки» на Ван-Марл-стрит и говорил: «Скоро доиграется». Когда в 58-м он подхватил грипп, от которого слегла половина девятого корпуса и отрастил крылья дьякон Эрскин из церкви Евангельской Скинии Моучей Десницы, сестра Бам-Бам провозгласила: «Отдаст богу душу». Когда в 62-м за Пиджаком после его третьего инфаркта приехала скорая, Джинни Родригес из девятнадцатого корпуса проворчала: «Ему конец». В том же году мисс Изи из Пуэрто-риканского общества выиграла в лотерее билеты на игру «Нью-Йорк Метс» на стадионе «Поло Граундс». Она предсказала, что «Метс», пропустившие в том году уже сто двадцать матчей, победят, и они победили, так что она осмелела и через две недели напроорочила смерть Пиджаку, объясняя это тем, что Доминик Лефлер, Гаитянская Сенсация, только что вернулся от матери в Порт-о-Пренсе, и мисс Изи, мол, даже видела, как Пиджак рухнул как подкошенный прямо перед своей квартирой на четвертом этаже – из-за странного вируса, привезенного Домиником. «Да с таким смачным бумом!» – воскликнула она. Всё. Баста. Выноси готовенького. Она даже приводила в доказательство черный фургон из городского морга, приезжавший той ночью за телом, – хотя после всего этого взяла свои слова обратно на следующее же утро, когда выяснилось, что тело принадлежало Эль Хаджи, брату Гаитянской Сенсации, который принял ислам, разбив матушке сердце, а потом скончался от инфаркта в свой первый же день работы водителем городского автобуса – причем, представьте себе, перед этим он три года добивался устройства в гортранспорт.

И все равно казалось, что смерть Пиджака не за горами. Более того, даже оптимистичные прихожане баптистской церкви Пяти Концов – где Пиджак служил дьяконом и президентом филиала ложи № 47 Великого братства бруклинских «Элкс»⁴ в Пяти Концах, за немалую сумму в 16 долларов 75 центов (ежегодно, только банковским переводом, пожалуйста) обеспечивавшей себе постоянную гарантию больших начальников церкви Пяти Концов, что те «проведут похороны всех и каждого членов ложи бруклинских “Элкс”, кому потребуется последняя служба, за отдельную оплату, конечно», и Пиджак станет одним из почетных носильщиков гроба, – предрекали его смерть. «Пиджак, – серьезно говорила сестра Вероника Го, – больной человек».

И была права. К семидесяти одному году Пиджак собрал почти все болезни, известные человечеству. И тебе подагра. И тебе геморрой. И тебе ревматический полиартрит, так изогнувший спину, что в плохую погоду Пиджак ковылял, словно горбун. Киста на левой руке размером с лимон и грыжа в паху размером с апельсин. Когда грыжа доросла до размера грейпфрута, врачи рекомендовали операцию. Пиджак пропустил советы мимо ушей, и тогда добрый соцработник в местной поликлинике записал его на все известные человечеству виды альтернативной медицины: акупунктура, магнитная терапия, фитотерапия, холистическая медицина, лечение пиявками, анализ походки и применение генно-модифицированных растений. Ничего не помогло.

С каждой такой неудачей здоровье Пиджака подкашивалось все больше, а предсказания гибели росли в числе и становились мрачнее. Но ни одно не сбылось. Жители Коза не знали, что на деле Каффи Джасперу Ламбкину – так в действительности звали Пиджака – смерть

⁴ Орден «Элкс» («Лосей») – американское братство наподобие масонского, существует с 1868 года. *Прим. перев.*

предсказывали задолго до его переезда в Коз-Хаусес. Когда семьдесят один год назад он издал свой первый крик в Поссум-Пойнте, штат Южная Каролина, повитуха в ужасе наблюдала, как в открытое окно влетела птица и пропорхала над головкой младенца, а потом снова вылетела: дурной знак. Повитуха объявила: «Вырастет идиотом», – передала ребенка матери и скрылась – перебралась в Вашингтон, где вышла замуж за сантехника и больше никогда не принимала роды.

Казалось, неудачи ходят за ребенком по пятам. Малыш Каффи пережил колики, брюшной тиф, корь, свинку и скарлатину. В два года он уже переглотал все: игровые шарики, камешки, грязь, ложки, а раз засунул в ухо половник, который пришлось извлекать врачу в больнице при Колумбийском университете. В три года, когда ребенка пришел благословить местный молодой пастор, ребенок срыгнул на его чистую белую рубашку чем-то зеленым. Тот объявил: «Он накоротке с дьяволом», – и уехал в Чикаго, где оставил церковь, начал петь блюз под псевдонимом Тампа Ред и записал мощнейший хит «Накоротке с дьяволом», после чего умер в нищете и безвестности и скрылся во тьме истории, всемирно увековеченный в музыковедении и университетских курсах по рок-н-роллу, боготворимый белыми авторами и музыкальными интеллектуалами за классический блюзовый хит, заложивший основу сорокамиллионнодолларовой империи «Госпел Стэм Мюзик Паблшинг», от которой ни он, ни Пиджак не дождались ни гроша.

В пять лет малыш Пиджак подполз к зеркалу и плюнул в свое отражение – чем призвал дьявола, – и в результате задние зубы у него не росли до девяти лет. Мать тогда перепробовала все. Вырыла крота, обрубив ему лапки и, нанизав их на нитку как ожерелье, надела на шею малыша. Втирала ему в десны свежие кроличьи мозги. Набивала ему в карманы гремучек, свиные хвосты и, наконец, зубы аллигатора – все тщетно. Пустила пройти по его телу собаку – верное средство, – но собака его укусила и сбежала. Наконец мать вызвала старую знахарку с Морских островов⁵, которая срезала живую ветку, заговорила ее именем Каффи и повесила вниз листьями в мешке в углу комнаты. Уходя, она сказала: «Не произносите его настоящего имени восемь месяцев». Мать послушалась и стала звать сына «Пиджак» – это слово она подхватила, пока собирала хлопок на ферме Джей Си Янси в округе Барнуэлл, где работала издольщицей: его произнес один из белых начальников, имея в виду свой новенький, с иголки, пиджак в зелено-белую клетку, в который он гордо облачился в день покупки и щегольски восседал на коне под злым южным солнцем в конце хлопкового ряда, закемарив в седле с ружьем поперек коленей, пока посмеивались в кулак цветные работники и хихикали между собой другие надзиратели. Через восемь месяцев мать проснулась и обнаружила у десятилетнего Пиджака полный рот задних зубов. На радостях она вызвала знахарку, которая приехала, осмотрела рот Каффи и сказала: «Зубов у него будет больше, чем у аллигатора», – после чего мать счастливо погладила мальчика по голове, прилегла вздремнуть и скончалась.

После смерти матери мальчик так и не оправился. Боль в сердце разрослась до размеров арбуза. Но знахарка оказалась права. Зубов он отрастил на двоих. Они перли, как сорняки. Премоляры, моляры и прямые, и толстые длинные двойные цапалки, широкие зубы спереди, узкие – сзади. Норосло их слишком много, и они теснились на деснах, требуя удаления, чем исправно и занимались восторженные белые студенты-стоматологи в Университете Южной Каролины, которые отчаянно искали пациентов, чтобы получить диплом, и потому лелеяли Пиджака, извлекали из него зубы и в качестве оплаты награждали сладкими маффинами и мерзавчиками виски. Он к тому времени уже открыл для себя волшебство алкоголя – отчасти из-за женитьбы отца на мачехе, которая частенько советовала Каффи пойти поиграть за четыреста двадцать восемь километров на горе Сассафрас и прыгнуть с верхушки голым. В четырнадцать лет Пиджак стал пьяницей и мечтой стоматолога. В пятнадцать его открыл для

⁵ Барьерные острова вдоль Юго-Восточного побережья. *Прим. перев.*

себя медвуз, когда первые из его множества недугов собрали силы для атаки. В восемнадцать из-за заражения крови лимфоузлы раздулись до размера стеклянных шариков. Вернулась корь наряду с другими болезнями, почуявшими поживу в виде обреченного на смерть обормота и заскочившими в его тело на огонек: скарлатина, болезнь крови, обостренная вирусная инфекция, эмболия легких. В двадцать недолго пробовала свои силы волчанка, но сдалась. В двадцать девять его брыкнул мул, повредив ему правую глазницу, после чего Пиджак тыкался в стены еще несколько месяцев. В тридцать один поперечная пила отхватила ему левый большой палец. Восторженные студенты-медики посадили палец обратно семьюдесятью четырьмя швами и вскладчину купили Пиджаку в подарок подержанную бензопилу, которой он благополучно отхватил себе большой палец на правой ноге. Этот прижили тридцатью семью швами, в результате чего два студента прошли конкурс на интернатуру в больницах на Северо-Востоке и оттуда прислали ему столько денег, что хватило на второго мула и охотничий нож, которым он случайно перерезал себе аорту, пока свеживал кролика. В этот раз он свалился без сознания и чуть не умер, но был срочно доставлен в больницу, где три минуты пролежал в операционной мертвым и ожил, когда хирург-интерн воткнул ему щуп в большой палец на ноге, отчего Пиджак подскочил, матерясь на чем свет стоит. В пятьдесят один год сделала последнюю попытку корь и тоже сдалась. А затем Каффи Джаспер Ламбкин, переименованный матерью в Пиджака, любимый и уважаемый всеми в Поссум-Пойнте, кроме двух человек, ответственных за его благополучие в этом мире, – мачехи и отца, – оставил позади радушие благодарных студентов штата Южная Каролина и отправился в Нью-Йорк, к своей жене Хетти Первис, любви всего детства, которая уже давно туда переехала и славно обосновалась в ожидании него, устроившись гувернанткой к хорошей белой семье в Бруклине.

В 1949-м он приехал в Коз-Хаусес, плюясь кровью, перхая страшной черной слизью и напиваясь самогонным ликером «Эверклир», позже перейдя на свой любимый рифусовский «Кинг-Конг», который и поддерживал в нем жизнь до шестидесяти лет, когда косяком пошли операции. Врачи нарезали его по кусочкам. Сперва легкое. Затем один палец на ноге, второй, следом стандартные железы, мочевого пузыря, селезенка и две операции на почках. Все это время он пил, пока яйца не заболят, и вкалывал как раб, ведь Пиджак был мастером на все руки. Мог спасти все, что ходит, ездит или растет. Не было печи, телевизора, окна или машины, которые он не смог бы починить. Больше того – Пиджак, дитя полей, понимал растения лучше любого в Коз-Хаусес. Водил дружбу со всем, что растет: с помидорами, травами, фасолью, одуванчиками, репейником, шпорником, орляком, пятнистой геранью. Не было растения, какое он не мог бы выманить на свет, не было семени, какое он не мог бы поднять к солнцу, не было зверя, какого он не мог бы призвать или адресовать легкой улыбкой и сильными дружескими руками. Пиджак считался ходячим гением, живой катастрофой, увальнем, медицинским чудом и величайшим бейсбольным судьей в истории Коз-Хаусес – а также тренером и основателем бейсбольной команды для мальчиков «Олл-Коз». Обитателям Коз-Хаусес посчастливилось иметь его в качестве соседа – он был тем, к кому обратиться, если у кота прилипнет какашка к заднице, когда он сходит в туалет, ведь Пиджак был родом из деревни и его ничто не могло отвадить от богоугодного дела. То же самое, если у приглашенного священника диабет и сам он весом под двести кило, но при этом на церковной трапезе обожрался свиным шпиком и куриными бедрышками и прихожанам нужен тот, кому хватит сил поднять с толчка тушу величиной с фуру и перетащить в автобус, следующий до Бронкса, чтобы уже можно было закрыть треклятую церковь и разойтись по домам, – тут без Пиджака никуда. Не было слишком мелкой работенки, слишком необычайного чуда, слишком зловонного запаха. Потому-то при виде того, как он каждый день плетется, надрызгавшийся, через двор на какую-нибудь халтуру, жильцы перешептывались: «Этот чудик – дар божий», – втайне думая про себя: «Ве ладно в этом мире».

Но никто не спорил, что все изменилось в день, когда он выстрелил в Димса Клеменса.

Клеменс был из новой породы цветных Коза. Димс – не какой-то там бедный цветной с юга, Пуэрто-Рико или Барбадоса, приехавший в Нью-Йорк с пустыми карманами, Библией и мечтой. Не укротила его жизнь на хлопковом поле в Северной Каролине или на тростниковом поле в Сан-Хуане. Не приехал он в Нью-Йорк из какой-нибудь нищеты, где дети бегают босоножими и питаются куриными костями да черепашью супом, не приковылял с грошом в кармане, преисполняясь радостью от перспективы убираться в домах, чистить туалеты и таскать мусор, надеясь на теплую городскую работу, а то и на образование от добрых белых людей. Срать Димс хотел на тех белых людей, и на образование, и на тростник, и на хлопок, и даже на бейсбол, в котором когда-то был мастером. Он в грош не ставил прежние обычаи. Он был дитя Коза – молодой, сообразительный, зашибал деньги, торгуя дурью в невиданных в Коз-Хаусес масштабах. У него повсюду имелись друзья и связи, от Восточного Нью-Йорка до самого Фар-Рокуэя в Квинсе, и любой дурак, кому хватало глупости тявкнуть в его сторону, заканчивал избитым или похороненным в урне в какой-нибудь подворотне.

Никто не спорил, что удача Пиджака наконец закончилась. Теперь он поистине труп.

3. Джет

Во дворе Коз-Хаусес было шестнадцать свидетелей того, как Пиджак подписал себе смертный приговор. Один – свидетель Иеговы, пристававший к прохожим, трое – матери с детьми в колясках, еще одна – мисс Изи из Пуэрто-риканского общества, один – коп под прикрытием, семеро – клиенты наркодилера и еще трое – члены общины Пяти Концов, раздававшие флаеры с объявлением о скорой ежегодной службе на День друзей и семьи – где сам дьякон Пиджак даст свою первую проповедь. Никто из них не сказал полиции ни слова о стрельбе – даже коп под прикрытием, двадцатидвухлетний следователь из семьдесят седьмого участка по имени Джетро «Джет» Хардмен, первый черный следователь в Коз-Хаусес.

Джет работал по делу Димса Клеменса уже семь месяцев. Это было его первое задание под прикрытием, и он нервничал из-за того, что ему уже удалось узнать. Клеменс, как выяснил Джет, только пешка в наркосети, ведущей к верхушке пищевой цепочки – Джо Пеку, крупной фигуре в итальянском криминальном мире Бруклина. Жестокая деятельность его синдиката пробирала до мурашек каждого патрульного из семьдесят шестого участка, кто ценил свою жизнь. У Пека были связи – в участке, в бруклинской ратуше и в криминальной семье Горвино, – а эти ребята ни за грош распишутся на кишках полицейского и уйдут чистенькими. О Пеке Джета предупреждал бывший напарник – пожилой ирландский сержант Кевин «Катоха» Маллен, честный коп, недавно вернувшийся в участок после того, как его изгнали в Квинс за ужасную привычку всерьез сажать плохих парней за решетку. Однажды днем этот бывший следак, пониженный до подменного сержанта на улицах, узнав, что Джет добровольно вызвался работать под прикрытием в Коз-Хаусес, заглянул в участок провести своего бывшего подопечного.

– Зачем рискуешь шкурой? – спросил его Катоха.

– Я распахиваю двери, – гордо ответил Джет. – Люблю во всем быть первым. Я первый негр в начальной школе № 29, который играл на тромбоне. Потом первый негр в средней школе № 219, который вступил в математический кружок. Теперь я первый черный следователь в Козе. Это новый мир, Катоха. А я – первопроходец.

– Дурак ты, вот ты кто, – сказал Катоха. Они вдвоем стояли перед «семь-шесть». Катоха, одетый в сержантскую форму, оперся на бампер своей патрульной машины и покачал головой. – Уходи ты оттуда, – сказал он. – Это тебе не по зубам.

– Я только что пришел, Катоха. Все нормально.

– Ты лезешь на рожон.

– Там просто мелочь, Катоха. Разводы. Ювелирка. Кражи. Наркотики помаленьку.

– Помаленьку? Что у тебя за легенда?

– Я буду дворником с наркозависимостью. Первый черный дворник проектов младше двадцати трех!

Катоха покачал головой.

– Это все-таки наркотики, – сказал он.

– Ну и что?

– Представь себе лошадь, – сказал сержант. – Теперь представь на жопе у лошади слепня.

Вот это ты.

– Это мой шанс, Катоха. Полиции нужны негры под прикрытием.

– Тебе лейтенант так сказал?

– В точности его слова. Что ты пристал, мужик? Ты же сам работал под прикрытием.

– Так то двадцать лет назад, – вздохнул Катоха, испытывая голод. Время уже было к обеду, и он мечтал о тушеной говядине или тушеном беконе с картошкой, которую он обожал. За что и заслужил свое прозвище Катоха: от бабушки, потому что в детстве он не мог выго-

ворить «картошка». – В те времена работа под прикрытием была почти сплошь бумажной, – сказал он. – Скачки. Кражи. А теперь – героин. Кокаин. Там ходит куча денег. Слава богу, в мои дни итальянцы гнушались наркотой.

– В смысле такие, как Джо Пек? Или Слон? – Джет попытался скрыть волнение в голосе.

Катоха нахмурился, потом глянул через плечо на здание участка, чтобы убедиться, что поблизости никто не услышит.

– У этих двоих в участке есть уши. Не лезь к ним. Пек – псих. Его наверняка сожрут свои же. А Слон... – Он пожал плечами. – Слон старомодный. Грузоперевозки, строительство, хранение – он контрабандист. Вывозит товар из гавани. Сигареты, шины, все такое. С наркотиками не работает. Зато садовник отменный.

Джет прищурился на Катоху, как будто задумавшегося о чем-то своем.

– Странный гусь этот Слон. Так посмотришь и решишь, что он из тех, кто коллекционирует поезда «Лайонел», или игрушечные катера, или еще что. У него не двор, а клумба.

– Может, он выращивает цветы, чтобы скрыть марихуану, – сказал Джет. – А это, кстати, незаконно.

Катоха цыкнул зубом и раздраженно зыркнул.

– Ты же вроде любишь рисовать комиксы.

– Люблю. Все время рисую.

– Тогда возвращаясь в патруль и рисуй свои комиксы по ночам. Хочешь быть в чем-нибудь первым? Будь первым негром в полиции, кому хватило мозгов забить на геройства в стиле Дика Трейси⁶ и уйти в отставку с головой на плечах.

– Кто такой Дик Трейси? – спросил Джет.

– Ты что, раздел юмора в газетах не читаешь?

Джет пожал плечами. Катоха усмехнулся.

– Уходи. Не будь дураком.

Джет уже пытался. Даже поднимал тему в разговоре с лейтенантом, но тот все пропустил мимо ушей. В семьдесят шестом участке, куда Джет совсем недавно поступил на службу следователем, царила расхлябанность. Капитан почти все время просиживал на заседаниях на Манхэттене. Белые копы ему не доверяли. Редкие черные копы, учуяв его амбиции и страхась перевода в Восточный Нью-Йорк – считавшийся адом на земле, – его избегали. Большинство не желало говорить ни о чем, кроме рыбалки на севере штата по выходным. Бумажной работы были горы: двенадцать копий только при аресте за кражу в магазине. Саперы целыми днями сидели и резались в карты. Джет доверял только Катохе, а Катоха, уже стоя одной ногой за порогом, в свои пятьдесят девять дожидался пенсии, пониженный до звания сержанта по причинам, о которых никогда не говорил. Катоха планировал уволиться в отставку меньше чем через год.

– Я уйду, – сказал Джет, – когда отработаю год. Тогда с чистой совестью смогу сказать, что я первопроходец.

– Ну ладно, Кастер. Если все пойдет плохо, я позвоню твоей маме.

– Брось, Катоха, я же мужик.

– А Кастер⁷ кем, по-твоему, был?

⁶ Главный герой серии комиксов, отважный детектив. *Прим. ред.*

⁷ Речь о Джордже Армстронге Кастере – американском офицере, известном безрассудной храбростью и безразличием к потерям и риску. *Прим. ред.*

* * *

В день выстрела Джет в своей синей дворницкой форме жилконторы торчал во дворе, опираясь на швабру, и грезил о работе в химчистке своего кузена, где станет первым негром, который изобретет новый отпариватель для рубашек, когда увидел, как из темного подъезда девятого корпуса выбредает Пиджак в потертом костюме и поношенных брюках и плетется к кучке ребят возле Клеменса, сидевшего у флагштока в окружении своей бригады и клиентов в каких-то трех метрах от Джета.

Джет заметил на лице Пиджака улыбку, но в этом не было ничего удивительного. Он уже насмотрелся на то, как старый хрыч ухмыляется и разговаривает сам с собой. Теперь он наблюдал, как Пиджак на миг задержался в людном дворе, встал в позу игрока на бите, отбил воображаемый мяч, потом распрямился, потянулся и побрел себе дальше. Джет усмехнулся и хотел уже отвернуться, когда заметил – или ему показалось, что заметил, – как старик достает из левого кармана огромный ржавый револьвер и перекладывает в правый карман.

Джет беспомощно огляделся. Такое Катоха называл «ситуацией». До сей поры работа в основном шла мирно. Сделать пару закупок. Пару мысленных заметок. Опознать того. Оценить этого. Разведать обстановку. Выяснить, куда уходит конец паутины – то есть к поставщику в Бед-Стае по имени Банч, через грозного боевика из банды Банча, Эрла, который приходил распределить товар и собрать деньги. Большого Джет пока не узнал. Он слышал, что есть киллер – убийца по имени Гарольд, такой ужасный, что все боялись упоминать его имя, включая самого Димса. С ним Джет надеялся никогда не повстречаться. На данный момент нервничать не приходилось. Каждый раз, когда он докладывал лейтенанту о прогрессе, тот слушал со вполне беспечным видом. «Молодец, молодец», – вот и все, что от него услышишь. Лейтенант, знал Джет, метит повыше и тоже работает, стоя одной ногой за порогом, – как и большинство начальников в «семь-шесть». Не считая Катохи и пары добрых следователей постарше, Джет оказался сам по себе, без руководства и управления, так что он остудил пыл и работал по верхам, как и научил Катоха. Без шмона. Без арестов. Без комментариев. Ничего не делать. Только наблюдать. Так сказал Катоха.

Но вот это... это что-то другое. Старик шел с пистолетом. Будь на месте Джета Катоха, что бы он сделал?

Джет огляделся. Везде были люди. Дело шло к полудню, и компания соседских сплетников, которые встречались на скамейке под флагштоком каждое утро, чтобы попить кофе и отдать честь флагу, еще не рассосалась. Джет заметил, что между Димсом с его наркобандой и старожилами, ежедневно приходившими посудачить и раззадорить друг друга шутками, установилось странное перемирие. На короткий срок между одиннадцатью тридцатью и полуднем обе компании делили место у флагштока. Димс работал на скамейке по одну сторону флагштока, а жильцы собирались на другой, вопрошая, куда катится мир, – не обходя вниманием, заметил Джет, и самого Димса.

«Будь он моим сыном, я бы воспитывала этого слизняка бейсбольной битой», – слышал раз Джет, как проворчала сестра Вероника Го. Бам-Бам прибавила: «У меня бы он еще долго хромал, но зачем отвлекаться от молитв?» Подал голос Сосиска: «Я еще как-нибудь подогрею ему обе булки – но на трезвую голову».

Димс, заметил Джет, не обращал на них внимания, но всегда сокращал поток клиентов до минимума, пока старики не удалялись, оставив свои распри, выпендреж, ругательства, ожесточенные споры и даже ссоры на потом. До полудня на дворе было безопасно.

Раньше было, подумал Джет.

Джет взглянул на часы. 11:55. Кое-кто из местных как раз начал подниматься со скамейки, пока старик и его пушка все приближались – уже в пятнадцати метрах, рука с оружием

в кармане. Джет, у которого пересохло в горле, наблюдал, как алкаш проходит два метра за раз, встает, чтобы взмахнуть воображаемой битой, потом снова покачивается вперед – не торопясь, разговаривая, как будто ведет сам с собой беседу за двоих: «Нет на тебя времени, баба... Не сегодня! Ты сегодня сама не своя. И это даже к лучшему!»

Джет, не в силах поверить своим глазам, наблюдал, как Пиджаку осталось преодолеть двенадцать метров. Потом девять. Потом семь, и он все еще разговаривал сам с собой, подходя к Димсу.

В шести метрах старик перестал бормотать, но все еще приближался.

Джет ничего не мог с собой поделать. Сказывались тренировки. Он присел, чтобы взяться за короткоствольный 38-й калибр на лодыжке, потом одернул себя. Этим он сразу выдаст себя. Пистолет на лодыжке так и кричит, что он коп. Поэтому Джет поднялся и отошел, пока старик огибал толпу вокруг Димса. Как можно небрежнее Джет подобрался к широкому круглому основанию флагштока из бетона, приставил к нему швабру, потянулся и изобразил усталый зевок. Глянул на скамейку, где сидели старики, и с тревогой заметил, что кое-кто еще оставался там.

Они посмеивались, договаривали что-то на прощание, шутили, никуда не спешили. Парочка из них глянула на Димса с его бандой, которые весело толкались, не обращая внимания на стариков с соседней скамейки, – молодая рать вокруг короля. Один паренек передал Димсу бумажный пакет. Димс открыл его и достал огромный сэндвич-субмарину, развернул. Джет со своего места по запаху определил тунца. Глянул на стариков.

«Поскорей же».

Наконец встал последний. Джет с облегчением наблюдал, как Сосиска прихватил большой кофейный термос, а Бам-Бам собрала одноразовые стаканчики, и они ушли, оставив только двоих – мисс Изи и сестру Го. Сестра Го поднялась первой, с охапкой флаеров, и побрела прочь. Оставалась только мисс Изи – тяжеловесная светлокочая пуэрториканка с блестящими черными волосами, чей смех догонял сестру Го – ее хохот походил на скрип мела по доске.

«Вали уже, – думал Джет. – Давай, давай!»

Пожилая пуэрториканка проводила взглядом сестру Го, потерла нос, почесала под мышкой, бросила горящий взгляд на окруживших теперь Димса наркоманов, сказала в его сторону что-то по-испански – Джет предположил, что ругательство, – и наконец отправилась восвояси.

А старик все наступал. Три метра. Улыбнулся Джету, проскользнув мимо него и обдав перегаром, потом втиснулся в кружок героинщиков вокруг Клеменса, скрылся из поля зрения за плечами нервных наркоманов, клянчивших первую дозу дня.

Страх Джета разросся до паники. Какого хрена удумал старый дурень? Его же пристрелят.

Джет в ужасе, с колотящимся сердцем, ждал грохота.

Ничего. Круг не сдвинулся. Парни как стояли вокруг Димса, так и стояли, суетились, подкалывали друг друга и шутили.

Джет забрал швабру от флагштока и, толкая ее в сторону кружка, напустив на себя беспечный, рассеянный из-за уборки вид, подбирал мусор с земли, зная, что обычно бдительный Димс не обратит на него внимания, раз он тоже клиент. Подобравшись к компании, Джет задержался завязать шнурок, положил швабру на землю. С этой точки – у земли и меньше чем в трех метрах от круга – он видел через тела, что творилось между Димсом и стариком. Димс сидел на спинке скамьи, поглощал свой сэндвич, болтал с одним из парней, смеялся вместе с ним. Никто не заметил, как над ними навис Пиджак.

– Димс? – подал голос старик.

Клеменс поднял взгляд. Казалось, он удивился, увидев, что перед ним пошатывается старый пьяница.

– Пиджак! Здоров, кореш. – Он укусил сэндвич, сочащийся майонезом и помидорным соком. Рядом с Пиджаком Димсу всегда было не по себе. Волновали не бухло, бравада или нотации насчет наркотиков. Скорее воспоминания, не такие уж давние, как теплыми весенними вечерами на бейсбольном поле Пиджак отбивал высоко в воздух его мячи; это Пиджак научил Димса швырять с разворота на домашнюю базу со ста метров. Это Пиджак научил его подавать, вкладывать вес в заднюю ногу, когда раскручиваешься, вытягивать руку, когда с силой посылаешь мяч в цель, правильно его держать для крученной подачи и доводить движение ногами, чтобы вес и сила уходили в мяч, а не в плечо. Это Пиджак сделал из Димса бейсбольное дарование. Он играл на зависть белым ребятам из бейсбольной команды средней школы Джона Джея, дивившимся, что скауты колледжей рискуют жизнью и конечностями, чтобы отправиться на вонючее грязное поле Коз-Хаусес посмотреть, как подает Димс. Но то были другие времена – когда он был мальчишкой, а его дедушка был еще жив. Теперь он мужчина, девятнадцати лет, и ему нужны деньги. А от Пиджака – только головная боль.

– Ты чего больше в мячик не играешь, Димс? – сказал Пиджак.

– Мячик? – переспросил Димс с полным ртом.

– Ну да. Бейсбол, – сказал Пиджак, пошатываясь.

– У меня теперь игры посерьезнее, Пиджак. – Димс подмигнул своей дружине и второй раз откусил от сэндвича. Пацаны рассмеялись. Димс умял еще кусок, почти не глядя на Пиджака, сосредоточившись на капающем бутерброде, пока Пиджак таранился на него и осоловело моргал.

– Серьезнее бейсбола ничего не бывает, Димс. Кому знать, как не мне. Я же главный по бейсболу в нашем жилпроекте.

– Твоя правда, Пиджак. Ты спец.

– Лучший судья на районе, – гордо сказал Пиджак, пошатываясь. – Это я приношу сыр. Не Петр. Не Павел. Не Иисус. Я. Это я приношу сыр, понятно вам? И тебя я, Димс Клеменс, с поля не отпускал, уяснил? Потому как это дается тебе лучше всего. Так чего ты больше не играешь в мячик?

Клеменс, вцепившись обеими руками в огромный сэндвич, усмехнулся и сказал:

– Г'ван⁸, Пиджак.

– Ты не ответил. Я тебя наставлял на божью стезю, сынок. Я тебя учил в воскресной школе. Я тебя учил игре.

У Димса пропала улыбка. Теплого света в карих глазах как не бывало; его сменил темный и отсутствующий взгляд. Димс был не в настроении для стариковских бредней. Длинные темные пальцы напряженно сжали сэндвич, выдавив белый майонез и помидорный сок прямо на руки.

– Чеши отсюда, Пиджак, – сказал он. Облизал пальцы, снова укусил сэндвич и шепнул что-то смешное пацану на скамейке рядом, отчего оба фыркнули.

Тут Пиджак отступил и спокойно полез в карман.

Джет – в четырех шагах, все еще на корточках, с руками на шнурках – засек движение и произнес слова, которые в итоге спасут Димсу жизнь. Он заорал:

– У него ствол!

Клеменс с полным ртом тунца инстинктивно повернул голову на крик.

Тут Пиджак выстрелил.

Пуля, нацеленная в лоб Димсу, прошла мимо и только срезала ухо, после чего звякнула позади на асфальте. Но из-за силы выстрела Димсу показалось, будто ему оторвало голову. Его опрокинуло со скамейки, и кусок сэндвича забился в глотку, так что он подавился.

⁸ G'wan – слово, проникшее из ирландского диалекта английского языка в ямайский. Имеет то же значение, что и go on – здесь: «продолжать».

Димс приземлился спиной на бетон, закашлялся, потом перекатился на живот и начал задыхаться, отчаянно пытаясь подняться на карачки, пока ошарашенные пацаны бросились врассыпную, а двор погрузился в хаос: полетели на землю флаеры, матери опрометью увозили коляски, мимо прокатился дядька в инвалидном кресле, люди в панике бежали с продуктовыми тележками и роняли сумки, кучка прохожих в ужасе мчалась через трепещущие флаеры, которые как будто были всюду.

Пиджак снова навел старый пистолет на Димса, но, увидев, как тот задыхается на карачках, передумал. Он вдруг смешался. Прошлой ночью ему снилось, как Хетти в рыжем парике орет на него из-за сыра, а теперь он стоит над Димсом, чертова штуковина в руках почему-то выстрелила, а Димс – на земле, не может вздохнуть. Тут Пиджака посетило прозрение.

«Никто, – подумал Пиджак, – не должен умирать на карачках».

Как можно быстрее старик перемахнул через скамейку, оседлал Димса, стоявшего на четвереньках, и, так и не выпуская пистолет из кулака, провел прием Геймлиха.

– Это я узнал у одного паренька в Южной Каролине, – прокряхтел он с гордостью. – У белого. Доктором стал.

Зрелище для свидетелей на площадке, на ближайшей улице и во всех – трехстах пятидесяти – окнах во двор вышло не очень. На расстоянии виделось, будто жестокого наркобарона Димса Клеменса имеет на четвереньках, как псину, старик Пиджак в своих старых костюме и шляпе.

– Жестко он его трахнул, – сказала потом мисс Изи, когда пересказывала происшествие замороженным членам Пуэрто-риканского общества Коз-Хаусес. В общество входило еще только два человека – Элеонора Сото и Анджела Негрон, – но историей они прониклись, особенно моментом, когда Димс сплюнул остатки сэндвича, точь-в-точь смахивавшие, по словам мисс Изи, на два крошечных белых яичка ее бывшего супруга Хоакина после того, как она вылила на них теплое оливковое масло, застав того храпящим в объятьях ее кузины Эмелии, приехавшей погостить из Агуадильи.

Перепихон длился недолго. У Димса везде на шухере стояли свои, в том числе на крышах четырех корпусов вокруг двора, и они перешли к делу. Дозорные с крыш корпусов 9 и 34 бросились к лестнице, а два дилера Димса, которые смылись после выстрела, опомнились и двинулись на Пиджака. Даже пьяный, он их заметил. Отпустил Димса и быстро вскинул большой ствол 38-го калибра. Пацаны снова сбежали, в этот раз окончательно, скрывшись в подвале ближайшего корпуса 34.

Пиджак смотрел им вслед, снова вдруг смешавшись. Все еще со стволом в руке он обернулся к Джету, который стоял в трех метрах, уже выпрямившись и застыв со шваброй в руке.

Джет в ужасе уставился на старика, который, глядя в ответ, прищурился от уже высоко взошедшего дневного солнца. Их глаза встретились, и тогда Джету показалось, будто он заглядывает в океан. Взгляд старика был глубоким, отрешенным, спокойным, и Джет вдруг почувствовал себя так, будто находится на безмятежном пяточке моря, пока везде вокруг бурлят, накатывают и поднимаются огромные волны. Его вдруг озарило. «Мы одинаковы, – подумал Джет. – Мы в ловушке».

– Это я приношу сыр, – спокойно сказал старый дьякон, пока из-за его спины доносились стоны Димса. – Понятно? Это я приношу сыр.

– Это ты приносишь сыр, – повторил Джет.

Но старик не слышал. Он уже развернулся на каблуках, убрал пистолет в карман и быстро похромал в свой корпус, стоявший в сотне метров. Но, вместо того чтобы направиться в подъезд, вильнул и поплелся вниз по боковому пандусу, ведущему в подвальную котельную.

Джет, застыв от страха, проводил его взглядом, потом краем глаза заметил в конце пешеходного двора мигалки полицейской машины, на расстоянии где-то в квартал. Машина с визгом остановилась, сдала назад и нырнула прямо на пешеходную дорожку в его сторону. Джета

охватило облегчение, пока машина пробиралась мимо бегущих прохожих, из-за которых водителю пришлось вдарить по тормозам, вильнуть влево, потом вправо, чтобы не сбить паникующих зевак. Джет видел, как следом за этой машиной на дорожку въехали еще две. Облечение казалось таким сильным, будто он только что наконец-то поссал, и лишило его всех жизненных сил.

Джет в последний раз обернулся и заметил, как голова старика пропадает в подвале девятого корпуса, почувствовал, как его отпустило, и обнаружил, что снова может действовать. Выронил швабру и перемахнул через скамейку к Клеменсу, тут же услышал, как сзади взвизгнули колеса полицейской машины. Только присел над Клеменсом, как офицер велел ему встать, не двигаться и поднять руки.

Подчиняясь, Джет сказал себе: «Хватит с меня. Тут я закончил».

– Не двигаться! Не оборачиваться!

Сзади его схватили и заломали руки. Прижали лицом к капоту патрульной машины. Он почувствовал, как на запястьях щелкнули наручники. Отсюда, с ухом на горячем капоте, он видел двор – всего несколько минут назад оживленный, как вокзал, а теперь совершенно безлюдный, только пара флаеров трепетала на ветру, – а также толстую белую руку на капоте перед носом. Одной рукой коп упирался, а второй прижимал голову Джета. Джет уставился на пальцы в полуметре от глаза и заметил обручальное кольцо. «А рука-то знакомая», – подумал он.

Когда голову оторвали от капота, Джет обнаружил, что смотрит на своего бывшего напарника Катоху. В пяти метрах на земле лежал Димс, в кольце из копов.

– Я ничего не сделал! – закричал Джет так, чтобы слышали Клеменс и все в округе.

Катоха его развернул, прохлопал, осторожно обойдя 38-й на лодыжке. Джет при этом пробормотал:

– Арестуй меня, Катоха. Богом прошу.

Катоха взял его за шкуру и закинул на заднее сиденье машины.

– Дурак ты, вот ты кто, – пробормотал он тихо.

4. Бегство

Пиджак вошел в подвальную топочную девятого корпуса и раздраженно сел на складной стул рядом с огромной угольной печкой. Услышал плач сирен и тут же о нем позабыл. Сирены его не волновали. Он что-то искал. Глаза обшарили пол, потом остановились, когда он вдруг вспомнил, что должен выучить стих из Библии для предстоящей проповеди на День друзей и семьи. Про исправление несправедливого. Это из Книги Римлян или из Книги пророка Михея? Уж и забыл. Потом он вернулся мыслями ко все той же старой занозе: Хетти и деньги Рождественского клуба.

– Все у нас было хорошо, пока ты не решила связаться с этим чертовым Рождественским клубом, – фыркнул он.

Оглядел подвал в поисках Хетти. Она не появилась.

– Слышала, нет?

Ничего.

– Ну и пожалуйста, – огрызнулся он. – Ко мне церковь из-за пропавших денег не прикопается. Тебе с этим жить, а не мне.

Он встал и поискал неприкосновенный запас – у Сосиски всегда была где-то припрятана бутылка «Кинг-Конга», – но спяну все еще видел мутно и соображал туго и путано. Подвигал ногой на полу ненужные инструменты и велосипедные запчасти, бормоча себе под нос.

– Кое-кто, чтобы не *взбеситься*, бесится *постоянно*, – ворчал он. – Кое-кто сперва проповедует, а потом лезет тебе в жизнь, и наоборот, и разницы между тем и этим не видит. Деньги-то не мои, Хетти. А *церковные*.

На миг он перестал ворошить вещи на полу и замер, обращаясь к пустоте.

– И все-таки, – объявил он, – у человека должны быть принципы, иначе ты не человек, а пустое место. Что на это скажешь?

Молчание.

– Так я и думал.

Снова начал искать, уже спокойнее, нагибаясь и разговаривая, пока проверял ящики с инструментами и переворачивал кирпичи.

– О моих-то деньгах ты никогда не думала, да? Как тогда с моим старым мулом еще на юге, – сказал он. – Которого хотел купить старый мистер Туллус. Предложил мне за него сотню долларов. Я сказал: «Мистер Туллус, чтобы сдвинуть его с места, понадобится ровно двести». Тогда старик зажал деньги, помнишь? А мул взял и издох через две недели. Я мог бы его продать. Тебе надо было меня уговорить.

Молчание.

– Ну, Хетти, если уж я из принципа не взял добрую сотню у белого, не собираюсь брать на себя и твои грехи из-за каких-то четырнадцати долларов и девяти пенни Рождественского клуба, что ты прикарманила и где-то припрятала.

Он помолчал, посмотрел искоса и тихо сказал:

– Там же *правда* всего четырнадцать долларов, да? А не, положим, двести или триста? Триста я не потяну. Четырнадцать – это еще что. Это я не просыпаясь заработаю. Но триста мне, милая, не по зубам.

Он остановился, раздосадованный, все еще оглядываясь и никак не находя того, что искал.

– Эти деньги... они же не мои, Хетти!

Ответа все еще не было, и он, растерявшись, снова сел на складной стул.

На холодном стуле он пережил незнакомое, странное, гложащее ощущение, будто случилось что-то страшное. Для него ощущение не было необычным, особенно с тех пор, как умерла

Хетти. Как правило, он просто не обращал на него внимания, но в этот раз оно казалось сильнее обычного. Его никак не получалось определить, а потом Пиджак вдруг заметил сокровище, которое искал, и моментально забыл о тревоге. Встал, прошаркал к титану и достал из-под него самогонный «Кинг-Конг» от Руфуса.

Поднял бутылку к голой лампочке на потолке.

– Я говорю – выпьем, я говорю – стакан. Я говорю – «вы знаете меня?»⁹

⁹ Отсылка к Библии, Евангелие от Иоанна 7: 28. *Прим. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.